

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Тюрин Е.А., Жданов И.С. Бретонский этнополитический регионализм: эволюция и современные тенденции // Политика и Общество. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.3.75406 EDN: PZLQTK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75406

Бретонский этнополитический регионализм: эволюция и современные тенденции

Тюрин Евгений Анатольевич

кандидат политических наук

доцент; кафедра истории, политологии и государственной политики; Среднерусский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

302028, Россия, Орловская обл., г. Орёл, Советский р-н, б-р Победы, д. 5а

✉ turin.of.foveran@yandex.ru

Жданов Илья Сергеевич

аспирант; кафедра истории, политологии и государственной политики; Среднерусский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

302028, Россия, Орловская обл., г. Орёл, Советский р-н, б-р Победы, д. 5а

✉ mylipsaresealde@gmail.com

[Статья из рубрики "НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2025.3.75406

EDN:

PZLQTK

Дата направления статьи в редакцию:

04-08-2025

Дата публикации:

26-08-2025

Аннотация: В статье рассматриваются эволюция и современные тенденции развития этнополитического регионализма в Бретани. Авторы, анализируя трансформацию

этнокультурных и этнорегиональных идентичностей, демонстрируют, как на примере Бретани возможно использование идентичностных особенностей как ресурса этнополитической мобилизации. Объектом исследования выступает бретонский этнополитический регионализм как социально-политическое явление. Предмет исследования – трансформация идеологических направлений и институциональных практик бретонского регионализма в XX–XXI вв. Цель исследования – проанализировать эволюцию бретонского этнополитического регионализма и выявить современные тенденции его трансформации. Рабочая гипотеза заключается в том, что в современных условиях бретонский регионализм смещается от радикальных форм к институционализированным формам культурно-политического участия, интегрированным в европейскую повестку. Задачи исследования включают: 1) описать историческую динамику бретонского регионализма; 2) выявить ключевые идеологические направления; 3) проанализировать современные формы культурно-политического участия; 4) оценить роль европейских институтов в развитии регионализма. В статье анализируются ключевые идеологические направления, представленные в среде бретонских регионалистов. Рассматривается спектр позиций – от примордиалистских концепций, характерных для правых движений, до евроцентристских подходов. Кроме того, подчеркивается роль этих процессов в институциональном переосмыслении концепта государства-нации. В работе используется социокультурный методологический подход, сравнительный этнополитический и системный анализ, а также контент-анализ открытых эмпирических источников. Авторы приходят к выводу, что бретонский этнополитический регионализм в современных условиях связывает своё будущее с общеевропейской повесткой. Бретань, традиционно рассматриваясь как неотъемлемая часть Республики, зачастую была обделена вниманием исследователей, в отличие, например, от Шотландии или Каталонии, где процессы регионализации имеют более выраженный характер. По мнению авторов, Бретань иллюстрирует общеевропейскую тенденцию формирования многоуровневых идентичностей, при которых этнокультурные и этнорегиональные, национальные и общеевропейские уровни могут взаимодополняться. На примере Бретани авторы показывают, что этнополитический регионализм может выступать в форме этнополитического участия, основанного на уважении к этнокультурной и этнорегиональной идентичности конкретного народа. В данном контексте Бретань становится моделью новой этнополитической субъектности, в которой этнокультурная/этнорегиональная идентичность используются не только для изоляции, но и для институциональной интеграции и переосмысления унитаристских принципов национальной государственности.

Ключевые слова:

Бретань, этнос, нация, идентичность, этнополитический регионализм, периферийный регион, автономизм, Европа ста флагов, этнорегиональная идентичность, идеология

Введение

Современная Европа переживает период существенных цивилизационных изменений, затрагивающих социокультурные основы развития европейских наций и этносов. Данный тезис в полной мере относится и к проблеме трансформации различных идентичностей (в том числе, политических, этнических, конфессиональных) до степени их размывания и уничтожения. С другой стороны, естественное желание сохранить собственную идентичность приводит большие и малые общности к соответствующей активизации,

целью которой чаще всего оказывается намерение продвинуть свои ценностные устремления на уровень актуальной политической повестки. Так, например, желание этноса сохранить свою этнокультурную/этнорегиональную идентичность в условиях дискриминационных проявлений государственного нациестроительства в полиэтническом обществе может породить (сепаратистское) движение, нацеленное на расширение автономии или достижение независимости дискриминируемого этноса.

Такие процессы стали всё более отчетливо проявляться в Западной Европе, где исторические, языковые и культурные особенности регионов пока еще продолжают оставаться последним оплотом противостояния политике размывания этнокультурных идентичностей, способствуя формированию уникальных форм политической этничности и сепаратистского регионализма (на наш взгляд, эти формы в большинстве случаев могут быть объединены в рамках понятия «этнополитический регионализм»). Шотландия, Каталония, Бретань, Корсика, Венето и другие очаги этнополитического регионализма с каждым годом разгораются всё сильнее [\[20, с. 44\]](#).

Актуализация этничности, на первый взгляд, идёт в разрез с популярной по сей день идеей гражданской нации, закреплённой на уровне конституций в большинстве государств «золотого миллиарда». Этот универсалистский подход, доминирующий в странах Западной Европы, опирается на представление о политическом сообществе как о «едином теле» всей совокупности граждан, чьи права и идентичности определяются не происхождением или культурной спецификой, а правовым равенством и лояльностью к государству [\[2, с. 17-19\]](#).

Однако в реальности этническая и региональная идентичности продолжают играть важную роль в политической мобилизации. Со второй половины XX века – и особенно после распада колониальных империй, распада СССР и Югославии, а также в ходе углубления европейской интеграции – идея этнокультурной и этнотерриториальной принадлежности получила новое дыхание. Этноязыковые меньшинства не исчезают под влиянием глобализации как это предсказывали скептики. Напротив, с каждым годом в Европе наблюдается возрастающая волна актуализации этноязыковой самоидентификации, при активном участии глобальных наднациональных институтов ООН и ЕС. Так, например, 5 ноября 1992 г. в Страсбурге была принята Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств, установившая права региональных меньшинств на признание со стороны государства и на защиту их культурной и языковой автономии [Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств / Совет Европы. — Страсбург, 1992. — 17 с. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007c098> (дата обращения: 25.05.2025).]. Среди двух конкурирующих европейский проектов, «Европа как нация» и «Европа наций», всё больше внимания уделяется последнему.

Бретонский этнополитический регионализм в XX–XXI вв. прошёл эволюцию от радикальных этнорасистских и сепаратистских концепций к институционализированным формам культурной автономии и гражданского участия. Эта трансформация демонстрирует, что в условиях глобализации и европейской интеграции регионализм не исчезает, а адаптируется, соединяя локальные этнокультурные идентичности с наднациональными политическими структурами. Анализ трудов бретонских деятелей позволил существенно расширить источниковую базу исследований регионализма и выявить, что бретонское движение прошло путь от радикальных этнорасистских концепций к институционализированным формам культурной автономии и гражданского участия. Проведённое исследование показывает, что современный бретонский

регионализм не противопоставляет себя французскому государству, а адаптируется к новым политическим условиям, связывая своё будущее с европейской интеграцией и концепцией «Европы регионов». Сравнительный анализ с другими очагами этнополитического регионализма в Европе (Шотландия, Корсика) позволяет выделить особую, «умеренную» модель бретонского регионализма, где этнокультурная идентичность выступает не как инструмент дезинтеграции, а как ресурс институционального участия и переосмысления унитарной традиции Франции.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил комплекс франкоязычных источников, значительная часть которых ранее мало подвергалась системному анализу в российской научной литературе. Особое внимание уделено монографиям и публицистическим работам Жана Ботреля (Jean Bothorel) и Янна Фуэрэ (Yann Fouéré), чьё идейное наследие оказало существенное влияние на формирование и трансформацию идеологических оснований бретонского регионализма. Эти авторы до настоящего времени не становились предметом отдельного рассмотрения отечественных исследователей, что придаёт исследованию элемент новизны.

В качестве эмпирической базы использованы также выступления региональных политиков, отражающие современную политическую повестку во Франции, и тексты интервью с представителями бретонских и корсиканских культурных и общественных организаций. Архивные материалы, включая публикации в региональной и национальной прессе, а также документы общественных организаций, позволили уточнить содержание ключевых этапов и выявить эволюцию дискурсивных акцентов в бретонском регионализме.

Для решения поставленных задач применялся социокультурный методологический подход, позволивший рассмотреть бретонский регионализм как комплексное явление, включающее культурные, политические и идентификационные компоненты. Сравнительный этнополитический анализ использовался для сопоставления эволюции бретонского движения с аналогичными процессами в других европейских регионах (Шотландия, Корсика). Системный анализ обеспечил выявление взаимосвязей между историческими этапами развития движения и изменением его идеологического содержания. Контент-анализ франкоязычных монографий, публицистики, архивных материалов, интервью и публичных выступлений позволил выделить ключевые нарративы, определяющие дискурс бретонского регионализма на разных этапах его развития.

Сущность этнополитического регионализма и его репрезентация на территории Франции

Этнополитический регионализм – это форма политической активности, в которой этнокультурная и этнотерриториальная/региональная идентичности (включая историческую память, менталитет, язык, ценности и т.д.) используются как ресурсы для достижения или расширения региональной автономии, самоуправления, культурного возрождения, а иногда и этнотерриториальной государственной независимости. Это феномен, при котором локальная этнокультурная специфика становится основой для легитимации политических требований, направленных на изменение структуры государственной власти, расширение полномочий субнациональных регионов или защиту этнокультурного пространства [\[14, с. 158\]](#). На современном этапе (особенно, начиная с 2000-х годов) этнополитический регионализм проявляется не только в движениях за

независимость, но также в более мягких формах: культурные программы, образовательные инициативы, законодательные изменения, региональная символика, языковые законы, межэтнический диалог. В данной связи следует отметить, что сегодня подобные движения всё чаще сосредотачиваются на культурной автономии, сохранении языка, политическом представительстве и децентрализации управления, а не на радикальной сепаратистской повестке.

Другая сторона этнополитического регионализма носит, мы бы сказали, формально административный характер. Это проявляется в наличии автономистских движений, которые зачастую выступают за изменение или сохранение особого территориального статуса. В данном контексте автономизм представляет собой политическое выражение формы сопротивления периферийных регионов централизму национального государства, отражая стремление миноритарной общности противопоставить себя доминирующему сообществу, от которого первая себя отделяет. Таким образом, целью автономизма выступает реорганизация полномочий государства в направлении федерализации или конфедерализации с перераспределением территориальной, экономической и политической власти.

Такое понимание этнополитического регионализма предполагает не только институциональные и социокультурные трансформации, но и столкновение различных моделей формирования нации. Особенно остро это различие проявляется в странах с унитарной традицией государственного национализма – таких как, например, Франция, где концепт нации опирается на гражданскую принадлежность, а любые формы этнической или региональной специфики зачастую воспринимаются как угроза республиканскому национальному универсализму. Неудивительно, что во Франции такое положение вещей приводит к напряжённому сосуществованию двух несовпадающих логик: с одной стороны, мы видим логику централизованной республиканской государственной модели построения нации, стремящейся к культурной ассимиляции этнических групп и гражданскому универсализму, с другой – логику ряда исторически сложившихся этнорегиональных сообществ, апеллирующих к исторической памяти, своей этнокультурной уникальности и праву на сохранение идентичности. Именно на этом разломе и формируется парадигма бретонского этнополитического регионализма, являющегося вызовом идее неделимой французской нации.

Различие между французской нацией и бретонским этносом очевидно. Первая является результатом многовекового развития французской государственности, и зиждется, прежде всего, на воле её членов, их осознании необходимости формирования единого политического сообщества – универсальной гражданской нации. Использование общего языка в этом случае служит показателем единства народа, способствует интеграции пришлых элементов в единое сообщество, определяет национальную идентичность, приравнивая национальность к гражданскому статусу. Легитимность власти в этой модели исходит из суверенитета народа (нации как совокупности граждан), поэтому нация едина и неделима.

В противоположность описанной выше модели, бретонский этнос определяется в соответствии с принадлежностью индивида к конкретному этнокультурному/этнорегиональному сообществу со всеми соответствующими идентификационными критериями и характеристиками, порождающими этнополитический автономизм. В противостоянии национальному государству автономизм стремится поднять этнокультурное/этнорегиональное сообщество до статуса подлинной нации, что в определенной мере соответствует немецкому понятию *Kulturnation*. В этом термине воплощается романтическое представление об этнической общинной нации,

противопоставляемое французской политической традиции и договорному пониманию нации как сообщества граждан.

В этом ключе бретонский регионализм вызывает опасения как альтернатива политической французской национальной идее. Так, Натали Дюгаль, профессор Центра изучения и исследований межэтнических отношений и меньшинств, подчёркивала: «Il faut être Français avant tout» — «Нужно быть французом прежде всего» ^[9], а бретонская автономия рассматривалась ею как «опасность, отклонение». Схожая позиция звучала и в заявлении депутатов «Национального фронта» от 29 января 2014 года: «Мы проголосовали против выдвинутого социалистами проекта закона о ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств... которые угрожают единству Франции и республиканской ассимиляции» [Langues regionales ou minoritaires une dangereuse breche dans la republique. // Front National : [сайт]. — URL: <http://www.frontnational.com/2014/01/langues-regionales-ou-minoritaires-une-dangereuse-breche-dans-la-republique> (дата обращения: 20.08.2025)]. Подобные оценки подчёркивают амбивалентность французской модели: с одной стороны, регионализм институционализируется через поддержку языков и символики, с другой — остаётся индикатором пределов республиканской ассимиляции. Бретонский вопрос позволяет рассматривать регионализм не только как локальную инициативу, но и как следствие кризиса унитарной традиции и поиске новых форм многоуровневой идентичности.

Ранние этнорасовые концепции бретонского регионализма

Этнорасовые и националистические течения в Бретани возникали и развивались в контексте системной политики Французской Республики, направленной на создание моноязычного национального пространства на всей её территории. Давление центра на языковые меньшинства и на региональные культуры достигло символической кульминации в межвоенный период: так, на открытии павильона Бретани (19 июля 1925 г.) министру образования приписывают высказывание «Pour l'unité linguistique de la France, la langue bretonne doit disparaître» ^[6, с. 31], а последовавшая за этим 14 августа 1925 г. циркулярная инструкция де Монзи жёстко ограничивала употребление «idiomes locaux» в школьном пространстве [Там же], легитимируя педагогические практики принуждения к монолингвизму. Эти решения не были эпизодическими — они логически вытекали из политики республиканского образования, сформированной еще законами Жюль Ферри (1880-е гг.), и были направлены на полную унификацию этно-культурного пространства Франции.

Последствия этой политики оставили глубокую травму в этническом самосознании бретонцев: в повседневной языковой практике и в семейной передаче языка возник феномен «языкового стыда» (vergonha), когда дети подвергались порицанию за употребление родного языка в общественных местах и стремились к отказу от него как от маркера «отсталости». Именно через этот механизм языковая основа региональной идентичности оказалась подорвана задолго до активной политической институционализации регионалистских движений; демографическое сокращение числа носителей и трансформация языковых практик утвердили динамику эрозии, которую фиксируют современные исследования по бретонскому языку.

Этнополитическая база (в том числе, идеологическая) для регионалистской мобилизации на территории Бретани начинает активно формироваться в конце XIX - начале XX века как реакция на усиление республиканской ассимиляции. Центральным событием данного процесса стало появление движения Breiz Atao (бреет. – «Бретань всегда»), основанного в 1919 году Олье Мордрелем. Это движение, возникшее в среде бретонских

студентов, представляло собой группу этнических националистов и стремилось к возрождению бретонской нации через возобновление широкого использования языка, культуры и политического самосознания бретонцев. Уже на раннем этапе движение Breiz Atao демонстрировало синтез культурных и политических требований, характерный для этнополитического регионализма: оно требовало автономии, опираясь на представление о бретонцах как об этнокультурно/этнорегионально отличной от «французов» группе [\[7, с. 12-13\]](#).

Идеологическая база движения активно развивалась. Ключевыми фигурами стали такие авторы, как Морис Дюваль и Рене Юэйд, которые в 1920-1930-х годах стали продвигать концепцию бретонской «расы» и нации, тем самым закладывая основу для этнодифференциалистской идеологии [\[12, с. 120-129\]](#). Позднее эти идеи были радикализированы в работах Олье Мордреля [\[15, с. 107\]](#), который утверждал, что «нация бретонцев» немыслима без кровной принадлежности (один из самых ранних примеров расовой концептуализации этнополитического регионализма во Франции).

Таким образом, ещё до Второй мировой войны в Бретани сформировался этнокультурный/этнорегиональный политико-идеологический комплекс, включающий в себя язык, традиционную культуру, историческую память, идею этнической особенности и требования территориальной автономии. Эти элементы, в совокупности, легли в основу специфической бретонской модели этнополитического регионализма, которая в дальнейшем эволюционировала от этнорасовых теорий к гражданскому культурному активизму – но не утратила связи с ранней формой протестной этнополитической субъектности.

Послевоенный регионализм: развитие в русле интеграции

Сразу после войны в среде бретонской элиты сложился прочный консенсус в пользу усиления этнополитической регионализации. Вступление в диалог с французским государством было для большинства бретонских политиков единственным путем вперед после горьких разногласий межвоенного и военного периода. Политика укрепления идентичности в бретонском стиле была дискредитирована коллаборационистской деятельностью меньшинства бретонских активистов во время войны. Поэтому, начиная с 1950 года, бретонские общественно-политические деятели нацелились на активизацию сотрудничества в рамках CELIB (Комитет по изучению и объединению бретонских интересов), который объединял политиков всех партий, а также представителей профессиональных и экономических кругов для продвижения этнополитических интересов региона. Отметим, что деятельность CELIB дала позитивные результаты, например, в сфере улучшения транспортной инфраструктуры Бретани в 1960-х и 1970-х годах. Различные цели сосуществовали в CELIB с высокой степенью проявления этнорегионального сознания и стремлением к созданию мощных региональных этнополитических институтов. Таким образом, преобладающей послевоенной моделью бретонской этнополитической активности в течение пяти десятилетий после окончания Второй мировой войны стала модель территориальной солидарности, направленной на получение материальных преимуществ для Бретани, в частности, за счет повышения уровня жизни в самом бедном регионе Франции (по состоянию на 1945 г.) [\[19, с. 224\]](#).

Наряду с инфраструктурными улучшениями и повышением уровня жизни, уже в послевоенные десятилетия происходили заметные изменения в языковой практике населения. В начале 1950-х годов исследования дают оценки порядка миллиона говорящих на бретонском языке, при этом значительная часть населения Нижней

Бретани использовала его в бытовом общении; одновременно имелись и группы лиц, говоривших преимущественно по-бретонски. Однако в период 1950 -1960-х гг. стало очевидно дробление этой языковой основы: всё реже дети росли в двуязычных средах, передача языка в семье сокращалась, и доля молодых, свободно говорящих по-бретонски стремительно падала. Причины называются комплексными: с одной стороны — длительная государственная политика в пользу французского языка и школьная практика, которые ещё до 1950-х задавали тенденцию к ассимиляции; с другой — социальная трансформация (урбанизация, внутрирегиональная мобильность, стремление семей дать детям преимущество владения французским как «языком будущего»). В результате в конце 1960 — начале 1970-х гг. бретонский язык как средство повседневной коммуникации становится прерогативой старшего поколения. Примордиалистское понимание бретонского этноса становится всё менее возможно физически: по основному атрибуту этой идеологической матрицы, языку, был нанесён удар, последствия которого ощущаются и по сей день.

В послевоенную эпоху часть юных интеллигентов и граждан Франции рассматривали бретонский регионализм сквозь призму «реваншистской идентичности», опасаясь его использования как средства культурного сепаратизма. Так, политический философ Гастон Моннервиль, заняв пост президента Сената в 1947–1958 гг., публично предупреждал, что возвышение региональных нарративов, в частности в Бретани, может подорвать национальную сплочённость: «регионализм не должен перерасти в этнонационализм, поскольку Республика основана на единой гражданской идентичности». Эта критика, звучавшая в коммуникативной среде 1950–1960-х, подчёркивала, что любая региональная инициатива должна строго укладываться в рамки республиканских ценностей, а не строиться на языковых или этнических предпосылках [Debats parlementaires. Conseil De La République // Journal Officiel de la République française [Электронный ресурс] // *Sénat*. Режим доступа: https://www.senat.fr/comptes-rendus-seances/4eme/pdf/1950/10/S19501017_2675_2722.pdf (дата обращения: 26.08.2025).].

Впрочем, это вовсе не поставило крест на бретонском политическом регионализме. В 1970-х годах в Бретани автономистское движение развилось до такой степени, что социолог Ален Турен называет его «социальным движением» [22, с. 89], а Жан Ботрель характеризовал бретонский этнонационализм как, прежде всего, выражение желания бретонцев быть признанными таковыми, каковыми они являются: «Больше, чем делать что-то, мы хотим быть чем-то. Это своего рода акт рождения – выражение чистого и подлинного осознания принадлежности к особому человеческому и культурному сообществу: Бретани» [4, с. 29].

В рамках всех означенных выше процессов «национальность» бретонца стала постепенно дополняться французской гражданской идентичностью, а бретонский язык укрепил в сознании бретонцев статус «национального» (в то время как французский трактуется лишь как официальный). Бретонский язык перестаёт быть непреложным атрибутом бретонского националиста, используя всё больше в качестве способа подчеркнуть свою принадлежность к этнической группе.

Однако бретонский примордиализм в его первоначальном виде больше не выражал мнения регионалистов. Олье Мордрель, бежавший из Франции после Второй Мировой войны из-за обвинений в коллаборационизме, в начале 1970-х годов вернулся из изгнания в Бретань и в 1973–1977 гг. опубликовал ряд монографий и статей, где последовательно отстаивал тезисы о «национальной особи» бретонцев, этно-

территориальной автономии и необходимости сохранения «чистоты» нации как основы политической субъектности Бретани. И хотя радикальные, этно-ориентированные нарративы не исчезли с концом войны, даже такие некогда авторитетные деятели, как Мордель, были низвергнуты в ранг политических маргиналов. Бретонский регионализм перешёл к новому эволюционному этапу.

По аналогии с тем, как чернокожий человек во Франции ощущает себя представителем «особой расы», бретонец также чувствует принадлежность к расе «особого рода». Жан Ботрель, который впоследствии стал журналистом в L'Expansion и Le Figaro, а также биографом миллиардера Франсуа Пино, высказал эти мысли ещё в 1968 году в ассоциации Ker Vreizh (площадка взаимодействия этнонационалистов-беженцев из Бретани, проживавших в парижском регионе) [\[4, с. 40\]](#). Когда в 2001 году Ботрель опубликовал эссе под названием «Un terroriste breton», («Бретонский террорист»), он уточнил: «Сегодня мы называем некоторые вещи по-другому, однако я не буду отходить слишком далеко от того, чтобы говорить то же самое» [\[5, с. 18\]](#).

Согласно другой точке зрения, выраженной Мишелем Николя [\[18, с. 51\]](#), следовало бы говорить не о «бретонской нации», а о «бретонском народе». Рассматривая историческую динамику, он постулирует стремление бретонцев к этнополитической субъектности путём эволюции от регионального меньшинства к полноценной нации. При этом, становление нации понимается как очевидное благо, не требующие теоретического обоснования. Именно она формирует общее предназначение бретонского народа. Речь идёт об этнически однородном сообществе, отличающемся от французского народа своим уникальным языком и своей особой историей, связанной с определённой территорией. Фактически, Николя говорит о перспективе создания полноценной бретонской политической нации, параллельной французской.

Смягчение риторики и отход от примордиализма обозначили новый курс для бретонских регионалистов. В то же время некоторые современные этнополитические движения по-прежнему не скрывают своей склонности к расово ориентированному восприятию Бретани, хотя, в отличие от своих «знаменитых» предшественников, они стремятся смягчать риторику, чтобы избежать преследования со стороны французского правосудия.

Современные тенденции этнополитического регионализма на территории Бретани

Несмотря на тот факт, что с середины 1980-х годов во Франции наблюдалось возрождение регионализма, а само французское политическое пространство отличалось ростом влияния крайне правых, сегодня региональные этнонациональные и регионалистские движения избегают прямого употребления понятия «раса». Расистская тематика ограничена крайне радикальными идентитаристскими кругами. Однако очевидное напряжение всё же возникает каждый раз, когда поднимается вопрос о бретонской идентичности и о том, кого она охватывает.

Риторическое смещение от слова «раса» к понятиям «крови» и «культуры» не устраняет глубинной биологизаторской семантики дискурса — она просто маскируется более «приемлемыми» терминами. При этом переход на «культурно-генетическую» лексику выполняет двойную функцию: во-первых, он облегчает легитимацию исключаящей политики в публичной сфере; во-вторых, сохраняет инструментальную основу для отбора «своих» и «чужих» под видом защиты традиций. Такая семантическая трансформация уменьшает видимую жесткость расистских формулировок, но оставляет логику исключительности [\[17\]](#).

При этом всё ещё оказывается затруднительно избежать упоминания генетических или кровных критериев. На вопрос «кто является бретонцем?» в 2000 году ответил Ксавье Гиймо, лидер ультраправого регионалистского движения Bretagne Nouvelle: «Бретонцы – это те, в ком течёт бретонская кровь» [EXTRÊME DROITE : Xavier Guillemot, conseiller de la région Centre, démissionne du Mouvement national républicain [Электронный ресурс] // *Le Monde*. — 2000. — Режим доступа: https://www.lemonde.fr/archives/article/2000/09/07/extreme-droite-xavier-guillemot-conseiller-de-la-region-centre-demissionne-du-mouvement-national-republicain_3642079_1819218.html (дата обращения: 23.05.2025)]. Гиймо в сентябре 2000 года основал Бретонское регионалистское движение (MRB), создание которого, по всей видимости, было вдохновлено Эльзасским регионалистским движением (Alsace d'abord), также придерживающимся радикально этнодифференциалистской идеологии.

При этом высказывания типа «в ком течёт бретонская кровь» всё ещё нельзя рассматривать как одиночные демарши маргиналов, несмотря на общий отход от примордиалистских концепций бретонского национализма, а также реальные организационные и идеологические связи с периодом оккупации и коллаборацией. Исследования Кристиана Хамона подчёркивают, что подобные символы и метафоры не только риторически восстанавливают «этнический» фундамент, но и дают опору для политической мобилизации через семью и локальные сообщества. [13].

Следует отметить, что бретонский этнополитический регионализм продолжает развиваться на фоне аналогичных тенденций, проявляющихся на территории всей Франции, в связи с чем упомянем движение Les Identitaires (ранее известное как Bloc Identitaire). Это французское крайне правое политическое объединение, основанное в 2003 году. Оно возникло из остатков группировки *Unité Radicale* и ряда других радикальных националистических организаций. Основателями движения стали Фабрис Робер и Гийом Люи, ранее связанные с Национальным Фронтом и монархистским движением *Action française*. Les Identitaires продвигают идеологию, сочетающую элементы этноплюрализма, французского национализма, регионализма и католического социального учения. Они выступают против глобализации, исламизации и американского влияния, считая их угрозами для европейской идентичности [Camus J.-Y. Le mouvement identitaire ou la construction d'un mythe des origines européennes [Электронный ресурс] // *Fondation Jean-Jaurès*. — 01.05.2018. — Режим доступа: <https://www.jean-jaures.org/publication/le-mouvement-identitaire-ou-la-construction-dun-mythe-des-origines-europeennes/> (дата обращения: 23.05.2025).].

Тем не менее взаимодействие правых сил всё же расширяется [Arnaud Delrieux : « Ce combat pour l'identité est une question de survie » [Электронный ресурс] // *Les Identitaires*. — Режим доступа: <https://les-identitaires.fr/entretiens/arnaud-delrieux-generation-identitaire-combat-lidentite-question-de-survie/> (дата обращения: 23.05.2025).]. Groupement Union Défense (GUDY), ранее связанный с ныне распущенной *Unité Radicale* (уступившей место Bloc identitaire), распространял на бретонском языке пропаганду, в рамках которой лозунг «Europa, yaouankiz, dispac'h» представлял собой не что иное, как адаптацию неофашистского лозунга «Европа, молодёжь, революция». Для активистов *Coordination Bretagne Indépendante Libertaire* главной причиной того, что крайне правые получают пространство для действий, является слабый интерес части «революционных» активистов к вопросам идентичности. Любая критика идентитаристского уклона при этом тут же считается «соучастием» с правыми.

После терактов в Лондоне 2005 года, на волне исламофобии, Bloc Identitaire

опубликовал пресс-релиз, в котором говорится, что он «борется с антирасистской республикой, навязывающей европейцам законы и решения, которые они всё меньше хотят принимать». Они критикуют «вторжение на наш континент силы, движимой духом завоевания и порабощения», говоря об исламе. Если «ислам силён», по мнению Bloc Identitaire, то потому, что правительство всё сделало для того, чтобы «ослабить в сознании французов чувство принадлежности к белому сообществу, укоренённому в христианской истории и основанному на 10 тыс. лет европейской цивилизации» [Bloc Identitaire. Communiqué, 8 juillet 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20060827040253/http://www.bloc-identitaire.com/communiquer.php?id=199> (дата обращения: 25.05.2025).]. Движение провозглашает свои идеалы: европейская идентичность, этническая солидарность, укоренённость в родных землях, социальное братство, сохранение культурного наследия.

Означенные процессы показывают, что для идентитаристов политическая борьба всё больше смещается на европейский уровень, независимо от достигнутых прежде результатов. Однако европейское строительство в том варианте, в каком его реализует политический мейнстрим, совсем не соответствует «этнической Европе», о которой мечтает правая идеология. Правые политические связи на континентальном уровне, хоть и существуют, остаются микроскопическими, и никак не угрожают устоявшемуся порядку, направленному на укрепление единства Европы.

Важно подчеркнуть также сетевой аспект: современные правые идентитарные проекты не ограничиваются национальной ареной — они действуют как транснациональные сети, адаптирующие локальные нарративы (мифы происхождения, «защиту корней») к общей европейской риторике. Франсуаз Морван и исследователи региональной культурной политики указывают, что такая транспортировка символов и тактик делает локальные движения удобной «площадкой» для набора легитимности более широких пан-европейских инициатив — при этом локальная культурная повестка часто используется как ширма для продвижения политических целей, смешивающих консервативные и этноцентрические элементы [«En Bretagne l'État œuvre à sa propre destruction» — Entretien avec Françoise Morvan [Электронный ресурс] / La Rédaction. — LVSL, 29.12.2021. — Режим доступа: <https://lvsl.fr/francoise-morvan-en-bretagne-letat-oeuvre-a-sa-propre-destruction/>. — (Дата обращения: 22.08.2025).].

Янн Фуэре и «Европа ста флагов»

Близкими к европейскому правому мейнстриму можно считать идеи Яна Фуэре, убеждённого борца за Европу регионов, одного из авторов концепции «Европы ста флагов» [11]. В его интерпретации, бретонцы — одна из древнейших наций континента, «созданная тысячу лет назад», и приоритетом в рамках Европейского союза должно быть сохранение её «отдельной национальной идентичности» [Там же, с. 14]. По его мнению, перед бретонским этнополитическим регионалистским движением стоит задача — всеми силами защищать бретонскую идентичность в расширяющейся Европе, начав с «избавления от свободоубийственных структур французского государства» [Там же, с. 93-102].

Янн Фуэре (бывший коллаборационист) почитается среди современных бретонских регионалистов одним из самых признанных мыслителей. Доктор права, дипломированный литератор, специалист в области политических наук, бывший генеральный секретарь Консультативного комитета Бретани, бывший бизнесмен и активист как бретонского, так и европейского правых движений, он также является почётным президентом POBL (Parti

pour l'organisation d'une Bretagne libre, Партия за организацию свободной Бретани). Он автор нескольких книг, среди которых «культовая книга, охватывающая поколения» – «Европа ста флагов». Эта работа, опубликованная в 1968 году, повлияла на целые поколения правых активистов в Бретани и по всей Европе. Он считает, что Бретань может вступить в «Европу народов и регионов, которые всё больше сливаются друг с другом» [10, с. 104], и только так бретонцы смогут воплотить в жизнь проект «Европы ста флагов».

В целом, рассуждения Фуэре довольно точно отражают суть современного бретонского этнополитического регионализма. Бретань, действительно, стремится к автономии. Но в современных реалиях целью бретонцев стал путь к признанию их этнокультурных/этнорегиональных интересов общеевропейскими структурами, стоящими выше национального французского государства, остающегося глухим к бретонским чаяниям (подобный подход к преодолению унитаристской дискриминации демонстрирует Шотландия в её противостоянии с Лондоном). Иными словами, главной ставкой Бретани стала Европа (но, конечно, в том её виде, который будет максимально выгоден бретонскому этнополитическому регионализму).

Чтобы ещё больше укрепить свою борьбу, бретонский этнополитический регионализм опирается на основательные культурно-исторические аргументы, выстраивая идентичностные ориентиры бретонцев вне рамок гражданско-национальных ценностей Франции (в том традиционном духе, истоки которого восходят к кельтским временам внефранкской Арморики и суверенного Бретонского герцогства). Но и при наличии таких идентичностных ориентиров, бретонский этнополитический регионализм склонен сегодня связывать их с более широкой общеевропейской перспективой.

При таком положении дел лучшим решением для этнополитического регионализма Бретани становится принцип федерализма, выражающий священное право того или иного народа (в том числе, бретонцев) на сохранение собственной этнокультурной/этнорегиональной идентичности. Развитие федерализма позволило бы Франции реально войти в процесс строительства Европы регионов, а ещё точнее – Европы этносов.

Как заявил корсиканский этнонационалист Жан-Ги Таламони в популярной телепередаче *Tout le monde en parle* (Все об этом говорят) Тьерри Ардиссона: «Европа – это наш путь к независимости» [TalamoniJean-Guy. *La Corse, une nation en quête de reconnaissance* [Электронный ресурс] // YouTube. — 2015. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=kBv3sSR7Pxo> (дата обращения: 23.05.2025).]. Такая точка зрения доминирует и в бретонских этнополитических кругах, а также устойчиво прослеживается в этнополитической повестке Шотландской Национальной Партии.

Начиная с конца 1980-х годов SNP (Шотландская Национальная партия) связала повестку независимости с интеграцией в ЕС, что было институционально закреплено в лозунге «Independence in Europe», официально принятом партией на конференции 1988 года [8]. В последующие десятилетия этот вектор интерпретировался исследователями как стратегический сдвиг: европейский уровень рассматривается партией как «рамка» и ресурс для переопределения суверенитета и смягчения издержек отделения. После референдума по Brexit SNP усилила про-европейскую риторику, выстраивая противопоставление между «европейской» Шотландией и «внеевропейским» выбором Великобритании; это зафиксировано как в академической литературе, так и в правительственных документах Шотландии о намерении подать заявку на вступление в ЕС в случае независимости. Современные аналитические обзоры подтверждают

устойчивость этой связки «независимость через Европу», хотя подчеркивают её преимущественно прагматический характер, а не идеологическую «еврофилию» как таковую [21].

Европа, о которой мечтает Янн Фуэре, вскоре может стать реальностью, поскольку модель Европы народов на практике всё больше сближается с моделью Европы регионов. В интервью, данном АБР в 2008 году (Agence Bretagne Presse, Бретонское пресс-агентство), Фуэре убеждённо заявляет: «Сейчас наблюдается большее признание региональных языков и культур, а также их вклада в культурное разнообразие Европы. Без этого разнообразия нет никакой Европы» [Fouéré Y. Interview / Propos recueillis par Philippe Argouarch // *Agence Bretagne Presse (ABP)*. — 3.11.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.abp.bzh/article.php/abp-interviewe-yann-fouere-12764> (дата обращения: 25.07.2025).].

В то же время, несмотря на благоприятный контекст для идей Янна Фуэрэ в рамках европейского интеграционного проекта, в политическом и научном дискурсе сохраняются сильные позиции сторонников классического национального государства. Так, представители неореспубликанского направления, например Бенжамен Морель, рассматривают регионализм и наднациональные формы идентичности как угрозу целостности политического сообщества и настаивают на приоритете национального государства даже в условиях углубляющейся европейской интеграции. Бенжамен Морель (юрист, как и Фуэрэ, но в области публичного и конституционного права), выступает в роли принципиального критика тех проектов «европейской региональности», которые ставят во главу угла этнокультурную дифференциацию и переводят политические требования в ключ «особой идентичности» отдельных территорий. Он настаивает, что декларируемая культурная забота нередко маскирует политическую стратегию — попытку получить «эксклюзивные» полномочия и преференции для локальных элит, что в конечном счёте подрывает принцип единого публичного пространства республики. Морель предлагает диаметрально противоположное понимание этно-регионализма: когда апелляция к языку, традициям или «исторической нации» становится инструментом легитимации политических претензий, включая требования асимметричных прав и институциональной автономии [16, с. 87].

Применяя эту критику к проекту Янна Фуэрэ, Морель предупреждает о двух взаимосвязанных рисках. Во-первых, подмена гражданских прав этнокультурной принадлежностью превращает политическое пространство в совокупность «коммун», где правовой статус и доступ к ресурсам распределяются не по гражданским критериям, а по этнической или региональной принадлежности — это ведёт к фрагментации суверенитета и ослаблению национальной солидарности. Во-вторых, модернизация «регионалистского» дискурса не устраняет, а иногда обеспечивает прикрытие для более радикальных или антидемократических сетей: культурные аргументы служат ширмой для политических проектов, которые не всегда совместимы с республиканскими принципами равенства и неделимости [Там же, с 100].

Таким образом, по Морелю, романтическая риторика «Европы народов» рискует превратиться в оправдание институциональной сегрегации: если сохранение «особой идентичности» будет поставлено выше универсальных гражданских норм, то федеральная модель, вдохновлённая идеями Фуэрэ, может не объединять Европу, а раздробить политическое тело Франции и подорвать её демократическую централизацию.

Выводы по результатам проведённого исследования

Понятие региона в современных социальных и политических теориях трактуется не только как административная единица, но прежде всего как механизм коллективной идентичности и инструмент политической мобилизации. Регион предстает одновременно как система регулирования и как «воображаемое сообщество» (по Бенедикту Андерсону [2]), конституируемое через символические ресурсы, историческую память и язык. Глобализация и экономическое давление вынуждают региональные политические элиты смещать акцент с институционального представительства на параметры конкурентоспособности, что приводит к прагматизации регионализма (в том числе, этнополитического), одновременно сопряжённой с риском культурной стандартизации.

В таких условиях, как демонстрирует бретонский этнополитический регионализм, требования демократического равенства всё чаще формулируются через призму признания публичных идентичностей. Конечно, в случае Франции это влечёт за собой вызов её универсалистской республиканской модели, которая долгое время предполагала этнокультурную нейтральность государства, где политическая принадлежность выше любой другой формы идентичности. Бретонский этнополитический регионализм, в этом контексте, способствует реактуализации концепта гражданства, в котором этнокультурная/этнорегиональная идентичность не устраняется, а институционализируется. Комплексный анализ эволюции бретонского этнополитического регионализма в контексте современных европейских интеграционных процессов позволяет выявить смещение его повестки от радикальных сепаратистских форм к институционализированным практикам культурно-политического участия.

Проведённое исследование позволяет по-новому взглянуть на бретонский этнополитический регионализм, рассматривая его не только как культурно-политическое движение, но и как динамичную систему, адаптирующуюся к меняющимся условиям европейского пространства. В научный оборот введён ряд франкоязычных источников, в том числе работы Жана Ботреля и Янна Фуэрэ, мало использовавшихся в отечественной науке. Это позволило выявить взаимосвязь между трансформацией идеологической базы движения и изменением его институциональных форм — от радикальных этнорасистских моделей к стратегиям культурной автономии и политического участия в рамках «Европы регионов».

Материалы данного исследования могут быть использованы в анализе других проявлений этнополитического регионализма, при составлении учебных и методических материалов, а также представляет интерес для социологов, политологов, этнологов, консультантов и регионоведов.

Заключение

С распадом традиционных компонентов национального гражданства (территориальной связанности, языковой унификации, лояльности к центру) возникает пространство для новых субъектов – политически артикулированных меньшинств, способных формировать собственную повестку внутри или параллельно общенациональному полю. Таким образом, регион становится не только объектом госуправления (государственной/административной политики), но и ареной для переформатирования основ политического сообщества.

Европейское сообщество сегодня в большей степени декларирует экономические цели, нежели культурные, но, тем не менее, сам процесс собирания Европы в единое административно-территориальное пространство неизбежно ведёт к проявлению и политической институционализации различных форм этнокультурной/этнорегиональной

идентичности. Европейский Союз, прежде всего, декларирует стремление к политико-экономическому компромиссу, способному превратить Европу в исключительный рынок, единственный, способный на равных конкурировать с США и Китаем. Однако столь амбициозный проект не может одновременно сформировать единую общеевропейскую идентичность у представителей разных стран, народов, языковых групп с их разной исторической памятью и ценностными различиями.

Безусловно, такое положение вещей порождает у этнических сообществ страх утраты ими своего этнокультурного статуса, своего исторического самосознания и менталитета, что побуждает отдельно взятого человека задуматься о собственном месте в этом пугающем монстрообразном общеевропейском пространстве. Актуализация этнокультурной и этнорегиональной идентичностей (и, как следствие, активизация националистических и ультраправых повесток), возможно, объясняется именно этим – стремлением вернуться к своим историческим корням: семейным, социальным и культурным, в рамках региона, который ближе географически, чем некое супергосударство с его расплывчатыми границами и не менее расплывчатыми ценностями.

Европа с трудом реализует свой трансэтнический, транснациональный, транскультурный проект. Но и в таких условиях для многих появление глобального пространства и постепенное завершение формирования политической и территориально-административной структуры Европейского Союза открывают множество перспектив (в частности, для новых подходов к пониманию гражданского статуса).

Что же касается Бретани, то она, в свою очередь, иллюстрирует более широкую тенденцию в Европе – формирование многоуровневых идентичностей, при которых этнокультурные/этнорегиональные, национальные и европейские уровни могут взаимодополняться в том или ином процентном соотношении. В определенном смысле нынешние бретонские патриоты демонстрируют, что этнополитический регионализм может выступать не разрушительной силой, а формой этнополитического участия, основанного на уважении к этнокультурной и этнорегиональной идентичности конкретного народа. В данном контексте Бретань становится моделью новой субъектности, в которой этнокультурная/этнорегиональная идентичность используются не для самоизоляции, а для институциональной интеграции и переосмысления принципов (в том числе, унитаристских) национальной государственности.

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева. – Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Тишков В. А. Этнология и политика. – 2-е доп. изд. – М.: Наука, 2004. – 244 с.
3. Argot-Dutard F. Quelles perspectives pour la langue française. – Paris: PU RENNES, 2004. – 271 p.
4. Bothorel J. La Bretagne contre Paris / Jean Bothorel. – Paris: La Table ronde, France, 1969. – 120 p.
5. Bothorel J. Un terroriste Breton / Jean Bothorel. – Paris: Calmann-Lévy, France, 2001. – 185 p.
6. Bouton P. Langue nationale et langues régionales à l'école : le débat politique de 1925 / P. Bouton. – Текст : непосредственный // Mots. Les langages du politique. – 1999. – № 61. – С. 29-48.
7. Carleon R. Le rêve fou des soldats de Breiz Atao / Ronan Carleon. – Quimper: Éditions

Nature et Bretagne, France, 1974. – 177 p.

8. Dardanelli P. Ideology and Rationality: The Europeanisation of the Scottish National Party / P. Dardanelli. – Текст : непосредственный // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. – 2003. – № 32. – С. 271-284.

9. Dugales N. Une commune bretonne à l'heure des élections municipales. Étude préparatoire à la monographie de Pacé, commune périurbaine de l'agglomération rennaise / N. Dugales. – Текст : непосредственный // Les Cahiers du Cérim. – 2001. – № 8. – С. 51-62.

10. Fouéré Y. Europe ! Nationalité bretonne. Citoyen français? Lettre ouverte aux Français et aux Bretons / Yann Fouéré. – Londres: Éditions Celties Chadenn, 2002. – 194 с.

11. Fouéré Y. L'Europe aux cent drapeaux / Yann Fouéré. – Binic-Londres: Celtics Chadenn, France, 2004. – 214 p.

12. Gemie S. La " Question bretonne " et le nationalisme breton // Bulletin d'histoire politique. – 2012. – Vol. 21, № 1. – P. 120-129.

13. Hamon K. Agents du Reich en Bretagne / K. Hamon. – Morlaix: Skol Vreizh, 2011. – 351 p.

14. Lebovics H. True France: The Wars Over Cultural Identity, 1900–1945. – Ithaca: Cornell University Press, USA, 1992. – 256 p.

15. Mordrel O. La voie bretonne / Olier Mordrel. – Quimper: Éditions Nature et Bretagne, France, 1975. – 107 p.

16. Morel B. La France en miettes : Régionalismes, l'autre séparatisme. – Paris: Les éditions du Cerf, 2023. – 195 p.

17. Morvan F. Le monde comme si : Nationalisme et dérive identitaire en Bretagne. – Arles: Actes Sud, 2002. – 344 p.

18. Nicolas M. Séparatisme en Bretagne / Michel Nicolas. – Quimper: Beltan, France, 1993. – 326 p.

19. Sainclivier J. L'Ille-et-Vilaine, 1918–1958 / Jacqueline Sainclivier. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, France, 1996. – 484 с.

20. Schnapper D. La communauté des citoyens. Sur l'idée moderne de nation. – Paris: Gallimard, France, 1994. – 288 p.

21. Thiec A. The Impact of Brexit on the SNP's narrative of independence / A. Thiec. – Observatoire de la Société Britannique. – 2021. – № 26. – С. 103-126.

22. Touraine A. Le grand refus / A. Touraine. – Paris: Fayard, France, 1996. – 324 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом исследовании выступает бретонский этнополитический регионализм, рассматриваемый авторами как феномен, сочетающий культурное возрождение, политическую автономию и вызов французской унитарной модели, в статье исследуется эволюция движения от радикальных этнорасовых теорий начала XX века до современных форм гражданского активизма, ориентированного на европейские институты.

Методология работы базируется на изучении литературных источников, контент-анализе архивных материалов и современных интервью.

Актуальность исследования авторы связывают с тем, что современная Европа переживает период существенных цивилизационных изменений, затрагивающих социокультурные основы развития европейских наций и этносов.

Научная новизна исследования заключается в обобщении и систематизации сведений об эволюции и современных тенденциях развития этнополитического регионализма, рассмотренного на примере французского региона Бретань.

В статье отмечено, что на современном этапе, особенно, начиная с 2000-х годов, этнополитический регионализм проявляется не только в движениях за независимость, но также в более мягких формах: культурные программы, образовательные инициативы, законодательные изменения, региональная символика, языковые законы, межэтнический диалог. Сказано, что что сегодня подобные движения всё чаще сосредотачиваются на культурной автономии, сохранении языка, политическом представительстве и децентрализации управления, а не на радикальной сепаратистской повестке. Рассматривая различия между французской нацией и бретонским этносом, авторы отмечают, что первая является результатом многовекового развития французской государственности, и базируется на воле её членов, их осознании необходимости формирования единого политического сообщества – универсальной гражданской нации. Использование общего языка в этом случае служит показателем единства народа, способствует интеграции пришлых элементов в единое сообщество, определяет национальную идентичность, приравнивая национальность к гражданскому статусу. Легитимность власти в этой модели исходит из суверенитета народа (нации как совокупности граждан), поэтому нация едина и неделима. В противоположность этому, бретонский этнос определяется в соответствии с принадлежностью индивида к конкретному этнокультурному/этнорегиональному сообществу со всеми соответствующими идентификационными критериями и характеристиками, порождающими этнополитический автономизм. Бретонский регионализм в публикации представлен как стратегия интеграции в «Европу регионов» через федерализм.

Библиографический список включает 21 источник – научные публикации российских и зарубежных авторов по рассматриваемой теме на русском языке и иностранных языках, а также электронные ресурсы из сети Интернет. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков публикации и резервов улучшения работы стоит отметить следующие. Во-первых, текст статьи не структурирован надлежащим образом, в нем не выделены такие общепринятые в современных научных публикациях разделы как Введение, Материал и методы, Результаты и их обсуждение, Выводы или Заключение. Во-вторых, в статье не отражены такие важные элементы методологического аппарата любого научного исследования, как цель и задачи, предмет и объект, не сформулирована рабочая гипотеза, отсутствуют четкие формулировки элементов приращения научного знания, а также значимости полученных результатов для практики в современных условиях. В-третьих, авторами не выполнены требования принятых редакцией Правил оформления списка литературы, в соответствии с которыми Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах не размещаются в разделе «Библиография», а «упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов» – это относится к источникам под номерами 4-5, 8, 10, 12, 20.

Тема статьи актуальна, материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество», отражает результаты проведенного исследования, может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанным замечанием.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой обстоятельное исследование феномена бретонского этнополитического регионализма, раскрывая его эволюцию и современные тенденции в контексте европейских интеграционных процессов и внутренней политики Франции. Предметом исследования выступает комплексное явление, включающее культурные, политические и идентификационные компоненты, что позволяет рассматривать регионализм не только как политическую стратегию, но и как механизм конструирования коллективной идентичности. Методологический подход автора базируется на социокультурном анализе, сравнительном этнополитическом исследовании и системном анализе, а также на контент-анализе франкоязычных источников, включая малоизвестные в отечественной науке монографии и публицистику Жана Ботреля и Янна Фуэрэ. Такой комплексный инструментарий обеспечивает глубокое понимание исторических и идеологических трансформаций бретонского движения.

Актуальность работы обусловлена возрастанием значимости этнополитических движений в Европе, вызванных как процессами глобализации, так и реакцией на унифицирующие тенденции национальных государств. Автор убедительно демонстрирует, что бретонский регионализм не является анахронизмом, а представляет собой динамичное явление, адаптирующееся к современным политическим реалиям, включая переход от радикальных этнорасистских концепций к институционализированным формам культурной автономии и политического участия. Научная новизна статьи проявляется в привлечении ранее неиспользованных источников, что расширяет отечественный дискурс по данной теме, а также в выявлении взаимосвязи между идеологическими сдвигами и изменением стратегии движения, что способствует более комплексному восприятию этнополитического регионализма как феномена.

Структура статьи выдержана, логична и последовательна, позволяя читателю проследить историческую динамику развития бретонского регионализма и его современное состояние. Тем не менее, местами наблюдается избыточность фактического материала, что несколько затрудняет фокусировку на ключевых аналитических выводах. Стиль изложения академичен, однако изобилие цитат и подробных описаний иногда снижает читабельность и требует более сжатого и целенаправленного изложения. В тексте недостаточно явно представлены критические позиции оппонентов, что могло бы усилить дискуссионный характер исследования и показать многогранность проблемы. Включение более активной апелляции к альтернативным точкам зрения позволило бы повысить научную глубину работы.

Библиография достаточно качественная и включает как классические теоретические работы, так и современные исследования, что свидетельствует о тщательном и разностороннем подходе к источникам. Использование франкоязычных материалов, ранее малоизвестных в российской науке, является значительным достоинством, расширяющим горизонты отечественного этнополитического анализа. Вместе с тем, список литературы следует расширить и включить в него источники, позволяющие провести сравнительный анализ феномена этнополитического регионализма, 14 позиций явно не достаточно для комплексного описания современных тенденций. Работу так же могли бы усилить эмпирические материалы, статистика и публикации в СМИ.

В целом, статья представляет интерес для политологов, социологов, этнологов и регионоведов, а также для специалистов, занимающихся проблемами национальной идентичности и регионализма в Европе. Работа способствует переосмыслению роли

этнополитического регионализма как неотъемлемой части современного европейского политического ландшафта и предлагает перспективы дальнейших исследований в области многоуровневых идентичностей и институционализации этнокультурных сообществ. Для повышения качества публикации рекомендуется усилить аналитическую составляющую, сократить избыточные описательные фрагменты и активнее вовлекать критические дискурсы, что сделает статью более убедительной и полезной для широкой научной аудитории журнала «Политика и общество».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция бретонского этнополитического регионализма от радикальных этнорасистских и сепаратистских концепций к институционализированным формам культурной автономии и гражданского участия в контексте европейской интеграции XX-XXI веков. Научная актуальность работы обусловлена современными цивилизационными изменениями в Европе, затрагивающими трансформацию идентичностей, включая политические, этнические и конфессиональные, что приводит к активизации этнорегиональных движений за сохранение культурной уникальности в условиях глобализации и европейской интеграции. А ее практическая значимость заключается в том, что его материалы могут быть использованы для анализа других проявлений этнополитического регионализма, при составлении учебных и методических материалов, а также представляют интерес для социологов, политологов, этнологов, консультантов и регионоведов. Методология исследования основана на социокультурном подходе, который позволил представить бретонский регионализм в качестве комплексного явления, включающего культурные, политические и идентификационные компоненты. Для сопоставления эволюции бретонского движения с аналогичными процессами в других европейских регионах, таких как Шотландия и Корсика, применялись сравнительный этнополитический анализ, а также case study. Системный анализ позволил выявить взаимосвязи между историческими этапами развития движения и изменением его идеологического содержания. Контент-анализ франкоязычных источников (монографий, публицистики, архивных материалов, интервью и публичных выступлений) обеспечил выявление ключевых нарративов, определяющих дискурс бретонского регионализма на разных этапах его развития. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о разработанной периодизации эволюции бретонского этнополитического регионализма, показывающей его трансформацию от радикальных этнорасистских концепций к «умеренной модели» (где этнокультурная идентичность выступает не как инструмент дезинтеграции, а как ресурс институционального участия и переосмысления унитарной традиции Франции), интегрированной в европейский политический процесс. Исследование показывает, что бретонское движение прошло путь от радикальных этнорасистских концепций к институционализированным формам культурной автономии и гражданского участия, адаптируясь к новым политическим условиям и связывая свое будущее с европейской интеграцией и концепцией «Европы регионов». Кроме того, по результатам проведенной работы в научный оборот введен корпус ранее не анализировавшихся в отечественной литературе франкоязычных источников, включая труды Жана Ботреля и Янна Фуэрэ, что расширяет эмпирическую базу для изучения европейского регионализма. Наконец, выявлена специфическая

модель адаптации этнополитического движения к условиям европейской интеграции, где региональная идентичность выступает не как фактор дезинтеграции, а как ресурс для переосмысления унитарной государственной традиции. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования этнополитического регионализма в контексте современных европейских трансформаций и определяются концептуальные рамки изучения бретонского кейса; - «Материалы и методы», где раскрывается источниковая база исследования и использованная в анализе франкоязычных материалов методология; - «Сущность этнополитического регионализма и его репрезентация на территории Франции», где представлен понятийный аппарат и специфика проявления исследуемого феномена во французском контексте; - «Ранние этнорасовые концепции бретонского регионализма», где анализируется формирование идеологических основ движения в межвоенный период и влияние государственной языковой политики на этническое самосознание бретонцев; - «Послевоенный регионализм: развитие в русле интеграции», где исследуется трансформация движения в направлении институционального сотрудничества с французским государством; - «Современные тенденции этнополитического регионализма на территории Бретани», где рассматривается эволюция дискурса от расовых к культурно-генетическим концепциям; - «Янн Фуэре и "Европа ста флагов"», где концепция «Европы ста флагов» представлена в качестве современной стратегии бретонского регионализма; - «Выводы по результатам проведенного исследования» и «Заключение», где подводятся итоги проведенного исследования, делаются выводы о роли регионализма в формировании многоуровневых европейских идентичностей и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, использование публицистических выражений, не очень уместных в академическом тексте, вроде «в этом пугающем монстрообразном общеевропейском пространстве», «носит, мы бы сказали, формально административный характер»; кроме того, избыточное использование скобок с пояснениями прерывает читательское восприятие, а неоправданно длинные предложения затрудняют понимание; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Среди двух конкурирующих европейский проектов...», «Давление центра на языковые меньшинства и на региональные культуру достигло...»; или опечатки в некоторых словах «под влиянием глобализации», «регионалистские движения», «Breiz Atao (бреет. – "Бретань всегда")»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи можно отметить достаточно широкую и разнообразную источниковую базу, а также глубокую историческую ретроспективу проведенного анализа. В работе использовались малоизученные в российской науке франкоязычные материалы – от теоретических работ ключевых идеологов бретонского регионализма до архивных документов общественных организаций, интервью с активистами и современных политических выступлений, – что обеспечило достоверность и глубину исследования, позволяя проследить эволюцию движения изнутри. Историческая ретроспектива охватывает период с начала XX века до современности, что позволило выявить долгосрочные тенденции трансформации этнополитических движений от радикальных сепаратистских форм к конструктивным институциональным практикам; это также имеет

важное значение для понимания механизмов политической адаптации региональных движений в условиях европейской интеграции.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области политической антропологии и этнополитологии, изучающих механизмы формирования, трансформации и институционализации региональных движений в современной Европе, а также закономерности эволюции этнических конфликтов, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Исследователи европейской интеграции найдут в работе ценный материал для понимания влияния наднациональных интеграционных процессов на развитие субнациональных идентичностей и стратегии региональных элит по использованию европейских институтов для достижения автономистских целей. Регионоведы и специалисты по политической истории Франции получат детальный анализ одного из наиболее значимых и долговременных случаев этнополитического регионализма, позволяющий понять специфику взаимодействия республиканской централистской традиции с региональными партикуляристскими движениями. Политологи, занимающиеся проблемами федерализма, децентрализации и территориального устройства государств, смогут использовать представленные данные для сравнительного анализа различных моделей управления этнокультурным разнообразием и оценки эффективности институциональных механизмов интеграции региональных элит в общенациональную политическую систему. Представленный материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации после устранения стилистических и грамматических погрешностей.